

Какой-то морок, тяжкий груз
С утра гнетет Москву ненастную,
И, словно окаянный Руст,
Садится смог на площадь Красную.

Толпа безрадостно плывет
Вкруг усыпальницы безбожия,
Пока средь туч не оживет
Пятно, на Божий свет похожее.

Туманный диск, неясный нимб,
Во мраке сделавший промоину...
И взгляды ринутся за ним,
Как за лицом Господня воина.

И ты глаза горе воздел,
Алкая чуда, с чувством благостным.
И ничего не углядел.
Но воспарил. И — даже радостно.

Видать, мы не забыты Им,
Прожившие на русском острове,
Во власти окаянных зим
Забывшие о Вечном Господе...

К Новому году бездомных рать катится на извод:
 Стужа пленных не любит брать — голь пускает в расход.
 Не предусмотрено хлеба бомжу и для сугреву — огня...
 В страшные лица замерзших гляжу: нет ли средь них меня?

* * *

Всю войну мечтал о ситном.
 — Ешь, что есть, — вздыхала мать. —
 Никогда не жили сытно,
 И не стоит привыкать.

Вместо хлеба грыз макуху —
 Застревавший в горле жмых.
 А во сне ломал краюху —
 Верх мечтаний горемык.

Хватка голода ослабла,
 Как закончилась война.
 Но в судьбе его нескладной
 Не менялось ни хрена.

Жалкий пасынок Отчизны
 Терпит голод и битье,
 Лишний в этой жуткой жизни,
 Он страшится зверств ее.

В наших куцах зимы злее,
 Водка — зверь, и нрав таков.
 Наши власти не жалеют
 Ни сирот, ни стариков —

Сирых жителей бараков
 В нищете голодных сел,
 Тех, кого генсек-оракул
 К сытой жизни не привел.

Атавизмы ленинизма
 Стали странны для ушей,
 Из воззваний коммунизма
 Вам жена не сварит щей.

И счастливей жизнь не станет
 От мартышкина труда.
 Но порою вдруг поманит
 В те крошечные года.

ВАСЯ

Бродит чудик Вася по деревне,
С пенсии чуток навеселе;
Проплывают снежные царевны,
Пролетают бабы на метле.

Старики их провожают взглядом:
— Эва, разгулялось естество —
Фортеля выписывают задом.
Вася кычет: — Энтово... таво...

И в чужие вслушиваясь речи,
Что и скажет, сроду невпопад.
Незлобивый, щуплый человек
В картузе, повернутом назад.

Бабы на чудного не в обиде:
Что с него, ни дать ему — ни взять.
А иная чудика увидит
И к груди прижмет его, как мать.

И вздохнет от вешнего томленья:
— Ты-то хоть любил когда кого?
Вася закивает с оживленьем:
— В обчем, значит, энтово... таво!

* * *

Уходит тот, кто стал не нужен.
И я ушел бы, да не мог.
Из лажи, лжи, не зряч к тому же,
Ни лиц не видя, ни дорог.

Ушел бы, убежал, уехал,
Да не пускает слепота.
С ужасной этою помехой
Душа во мраке заперта.

Ни лиц вокруг, ни очертаний;
Безвиден скорбный мир слепца,
В котором чуткими перстами
Ловлю я импульсы Творца.

Молитесь, братья, о красивых,
Кто глубже всех в грехах погряз,
Но паче о слепцах России,
Путь к Богу ищущих без глаз.

Когда был зряч, не мыкал горя,
Не ведал, что живу в раю.
Потом ослеп, стал с миром в ссоре,
Утратил службу и семью.

Нужда сжирает голытьбу
 И метит дыркою во лбу
 В Чечне и Приднестровье.
 Уже всесильный режиссер
 Несчетно юных жизней стер
 Из низшего сословья.

О них не будут горевать.
 Вам жировать, им — умирать
 За ваш гешефт в оффшорах.
 Они для вас лишь муляжи.
 Среди войн локальных не дожить
 До пенсий им грошовых.

Вот день Победы. Над собой.
 Но как в мозгах случился сбой?
 Чалма в ночи паскудит.
 На рвущем душу языке
 Кричат фрагменты тел в песке,
 Что больше их не будет.

Талиб взимает с душ тариф —
 Ночной шайтан, на час халиф.
 И что ни день — утрата.
 Чем век заполнит эту брешь
 И где родня поставит крест
 К одной шестой солдата?

Талдычат бабы: — Чо ж не сбег?
 — А совесть? Родина? А Бог?
 И все молчат в итоге.
 А вон вернулся шкет. Живой.
 Хоть и с казенною рукой,
 И оторвало ноги...

Дитя сообщает собаке, что она — собака,
 Дама дворнику, что он — алкаш.
 Собака зевает и думает: «А-аднако!»
 Малыш протягивает ей свой беляш.

Собака влюблено смотрит на ребятенка,
 А тот души не чает в блохастом псе.
 У дворника, конечно, пыльная работенка,
 Но у него в приятелях весь Туапсе.

В парке Приморском делают сладкие пончики,
 Но дворник предпочитает к пиву хамсу, бутерброд.
 Через неделю-другую лето курортное кончится,
 Пса изловят собачники, дворник умрет...